

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 7, Is. 1, pp. 40-47, 2015
DOI: 10.13187/vs.2015.7.40
www.ejournal6.com

UDC 94(47).084.8

Condition and Organization of Everyday Life in the Military Units of the Southwestern, Stalingrad and Don fronts (1942–1943)

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

The article is devoted to various aspects of the condition and organization of the everyday life of military units of the Southwestern, Stalingrad and Don fronts in 1942–1943 years. The looks of the questions of food and clothing supplies, ensure domestic needs and recreation. At the base of the article are documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, recorded memories participants in the events of that time, published sources.

Keywords: Great Patriotic War; Southwestern Front; Stalingrad Front; Don Front; normalized everyday life; leisure

Введение

Летом 1942 г. – зимой 1943 г. войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов вели ожесточенные бои в междуречье Дона и Волги на подступах к Сталинграду, а затем в самом городе. По свидетельствам очевидцев, «*это был кромешный ад*», пережив который, «*войны уже можно было и не бояться*» [1]. Между тем, не бояться ее можно было и по причинам вполне обыденного свойства: война становилась неотъемлемой частью повседневной жизни огромной страны, и, прежде всего, тех, кто воевал. Неустроенность фронтового быта первых полутора лет войны постепенно сменялась налаживанием жизни за линией фронта. В расположениях частей появлялись не только бани, но и сапожные мастерские, менялись калорийность и рацион питания, улучшалось вещевое довольствие военнослужащих. Однако процесс этот был не столь скоротечен и зависел от целого ряда обстоятельств, вносящих в нормирование фронтовой повседневности неизбежные коррективы.

Материалы и методы

Статья основывается на документах фондов военно-санитарных управлений, управлений службы тыла и политуправлений Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов ЦАМО РФ; записанных воспоминаниях участников событий того времени и историографических источниках. Методами анализа используемого материала выступают многофакторный анализ и историко-сравнительный метод, позволившие выявить

особенности организации быта и досуга военнослужащих конкретных подразделений в рассматриваемый период времени.

Обсуждения и результаты

Неустроенность фронтового быта первых месяцев войны была вызвана не только ее внезапностью, но и представлениями о скоротечности боевых действий на территории противника. Наступательная военная доктрина Красной армии не предполагала длительной эшелонированной обороны, да и сама необходимость обеспечения бытовых потребностей военнослужащих не рассматривалась «всерьез и надолго». Всенародный характер Красной армии должен был обеспечить ей хотя бы временный кров, а поддержка населения – продукты первой необходимости. Однако действительность оказалась куда сложнее и потребовала скорейшего налаживания армейского быта.

Уже первое столкновение с реалиями жизни большой страны выявило *«существенные недостатки в ее организации»*. «Конъюнктурный обзор санэпидемсостояния войск Юго-Западного фронта за три месяца войны (июль, август, сентябрь 1942 г.)» показал, что войска, действовавшие на территории Украины и располагавшиеся по населенным пунктам, оказались *«в крайне неудовлетворительном санитарном состоянии»*: *«В связи с отсутствием достаточного количества местных бань и благоустроенных колодцев, войска испытывали затруднения по линии банно-прачечного обслуживания и водоснабжения. Санитарное состояние населенных пунктов на территории фронта было крайне низкое. Особенно неблагоприятно обстоял вопрос с водоснабжением. Вследствие загрязнения территории населенных пунктов и плохого состояния местных колодцев, все исследованные воды, которые использовались войсками, показали, что как гигиенические, так и бактериологические показатели качества воды низкие <...> Банно-прачечных объектов в населенных пунктах было мало, притом лишь по райцентрам. В сельской местности бань и прачечных совсем не было, население пользовалось лишь водоемами»* [2]. Завиженность местного населения, достигавшая в среднем до 50 %, не могла не сказаться и на состоянии расквартированных в населенных пунктах частей и составила *«в армейских подразделениях 10–35 %, а в 26 А до 80–100 %. Белье менялось нерегулярно, мылись редко»*. Еще одной причиной столь *«вопиющего антисанитарного состояния военнослужащих»* называлась плохая обработка пополнения и его частые передвижения [3].

Схожая ситуация наблюдалась и в обеспечении войсковых подразделений зимней одеждой, продуктами питания, организации бытового обслуживания. По состоянию на конец ноября 1941 г. 100-я отдельная автомобильно-санитарная рота Донского фронта *«не имела ни одной шапки, валенок, теплых шаровар, теплого белья, телогрейки, рукавиц. Бойцы и командиры в декабре месяце носили летние пилотки, летнее обмундирование и обувь, притом крайне изношенные. Люди не мылись три месяца. Имела место полная завиженность личного состава»* [4]. Прокурорская проверка только 28-й, 51-й, 57-й, 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта в декабре 1942 г. выявила, что *«снабжение бойцов и командиров по зимнему плану в соответствии с приказом НКО № 0908 от 21.11-1942 г. и приказа Сталинградского фронта № 053 от 12.11-1942 г. продолжает оставаться крайне неудовлетворительным. Особо тяжелое положение имеет место в 152 ОСБ [отдельная стрелковая бригада – Т.Х.]. Личный состав бригады имеет разбитую и требующую немедленной замены обувь, а некоторая часть людей совершенно не имеет обуви и ходит с обмотанными ногами в портянки. Несмотря на наличие починного материала, ремонт обуви не организован. Белье на протяжении 1,5 месяцев не менялось и имеется большой процент завиженности. В бригаде не организована доставка воды, в результате чего бойцы не имели по 3–5 дней воды и из-за отсутствия таковой оставались без горячей пищи»*. В соединениях 7-го стрелкового корпуса отмечалось некое качество приготовления пищи, перебой с доставкой жиров. В 96-й бригаде водка выдавалась по умеренной норме, а ее незаконная выдача привела к *«присвоению со стороны комбата 93-й бригады капитана Сафронова в количестве 46 л. Стирка белья не организована»*. Признавалось, что такое положение *«в дальнейшем нетерпимо»* и влияет на морально-политическое состояние личного состава [5].

Примечательно, что водка, ассоциирующаяся в массовом сознании неперенным атрибутом довольствия военнослужащих, в рацион питания фронтовиков была введена только в конце августа 1941 г. И если первоначально ее 100 гр. выдавались «красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии», то начиная с мая 1942 г., они стали выдаваться лишь «военнослужащим частей передовой линии, имеющим успехи в боевых действиях против немецких захватчиков». Дневная норма выдачи увеличивалась до 200 гр. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдача водки по 100 гр. на человека полагалась исключительно в революционные праздники, к которым были отнесены: годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, день Конституции, день Нового года, день Красной армии, дни международного праздника трудящихся, Всесоюзный день физкультурника, Всесоюзный день авиации и Международный юношеский день [6]. О ценности водки как «продукта стратегического назначения» вспоминал 11-летний участник обороны Сталинграда А.М. Гуревич, выполнявший в октябре 1942 г. роль снабженца приютившего его батальона: «Я пошел за сухарями, пришел, а мне сухари не дали, мне обычно старшина писал записку и давал пустую накладную и расписывался, и то, что они давали, они заполняли, а уже подпись старшины была, что он получил. Вот такой документ у меня с собой всегда был. Я помню, такая большая накладная как лист и там это все, его роспись. Я пришел, мне сухарей не дали, говорят, нет сухарей, но ты, говорит, возьми сахар и спирт, я говорю, нет, ну водку, я водку брать не буду, у меня, во-первых, не во что водку брать, а, во-вторых, я не буду брать водку, мне старшина строго запретил, он мне сказал: “Водку, ни в коем случае”. Он не доверял никому водку, сам ходил за водкой, сам проходил этот ад 500 метров, чтобы взять водки» [7].

30 августа 1942 г. заместитель командующего войсками по тылу Юго-Восточного фронта [создан из частей Сталинградского фронта и действовал с 5 августа по 28 сентября 1942 г. – Т.Х.] генерал-майор Анисимов в директиве начальнику управления тыла отмечал: «Питание и снабжение продфуражем, горючим и боеприпасами проходящих частей, идущих на фронт, не организовано. Вместо хлеба, крупы, мяса частям выдается рожь или пшеница, идущие части буквально голодают». В срочном порядке приказывалось «полностью выполнить директиву по тылу в отношении организации заправочных и питательных пунктов для раненых и проходящих мелких команд». Для создания продовольственных запасов предлагалось активнее использовать «аппарат тыла»: взять на учет все мельницы, которых только в районе Басканчука насчитывалось не менее 5 по 500 т каждая, и организовать размол муки. Обращалось внимание, что в Сталинграде все мельницы были уничтожены, и оставалась только одна, с выводом из строя которой «подвоз муки должен идти от Вас. Все существующие мельницы использовать на полную мощность, суточный помол довести до 300 т. Запасы зерна <неразб.> до 100.000 т. Организовать производство крупы из пшеницы, ячменя, овса. Организовать заготовку мяса, овощей, молочных продуктов» [8]. Для своевременной заготовки продовольствия и фуража «на месте» с июля 1942 г. во всех армейских и фронтовых подразделениях создавались штатные группы. Однако отношение к их деятельности не всегда встречало понимание со стороны высокого начальства. А.И. Миренков, проанализировавший военно-экономическую составляющую Сталинградского сражения, приводит примеры, когда вопросы своевременной заготовки продовольствия расценивались командующими фронтами «отвлечением людей от настоящего дела» [9].

Вместе с тем, финансовое обеспечение заготовок производилось без каких-либо существенных задержек. Срывы в организации своевременного питания военнослужащих связывались с боевой обстановкой и распорядительностью непосредственного начальства. Приводимые в литературе нормы суточного довольствия по своей калорийности, по заключению исследователей, обеспечивали энергозатраты военнослужащих, а состав продуктов позволял готовить горячую пищу 2–3 раза в день. При этом нормы ее выдачи, да и сама возможность приготовления зависели от характера выполняемых боевыми подразделениями заданий, месторасположения армейских баз и наличных запасов продовольствия. А.М. Гуревич вспоминал об одной из таких продовольственных баз, расположенных на левобережье Волги: «Значит, рюкзак, такой – матрасовка, половина матрасовки, рюкзак вот так, вот и с этим рюкзаком я за сухарями ходил на пристань,

где переправились, туда и ходил. Там большие катакомбы такие были и там склады с продуктами, и со всем этим были, а называли это по простонародью солдаты “идти на баржу”. Там была баржа, как примета, перевернутая, на боку лежала, половина баржи лежала на берегу, а половина баржи – в воде и в самой этой барже тоже там сделали такие полки и туда хлеб складывали, это самое, сухари, сахар, продукты первой необходимости, мешки с крупой, в основном пшенка, кормили пшенкой в основном. Вот, пшенная каша, сухари, пшенная каша с маргарином, но это не голод, это не то, что в тылу люди, это не голод, кушали вот так [хорошо – Т.Х.]. Еще по два куска рафинада, когда делили сахар, не вешали, а вот я принесу мешок сахара в роту, старшина берет, тебе два кусочка, один меньше, один больше. Он не имел формы – рафинад. Не помните такой сахар?». Будучи «малым, смышленным не по годам», он уже тогда отметил, что «кушали хорошо», но «у офицеров все же получше было», «да и в госпитале получше ел»: «Вот, я проснулся, тихо и опять спустился в землянку, и в это время старшина посылал там, уже тушенку носили, уже сгущенку, молоко. И офицер один, мне говорит: “На, банку сгущенки”, я говорю: “Все мне?”, (офицер): “Ешь”. И вот я помню, как я ее съел – у меня вот тут защеколало в горле». «И вот, однажды, я лежал три месяца, меня выводили, лежал три месяца, а когда уже ходить начал, слабенький. Слабо кушал, бульончик иногда давали куриный мне, как генералу, а так никому не давали такой хорошей пищи» [10]. Обеспечение продуктами питания той же 100-й роты осуществлялось со складов Наркомата обороны, «мясо и овощи, кроме того, заготовливались по нарядам Упродснаба в селах, где дислоцировалась рота, и ближайших к ней селах» [11].

Начиная с лета 1942 г., ситуация в области бытового обеспечения военнослужащих стала постепенно меняться: «В конце ноября весь личный состав [100-й роты – Т.Х.] уже был обеспечен зимнем обмундированием: теплым бельем, ватными телогрейками, ватными шароварами, рукавицами, шапками-ушанками, валенками, подшлемниками, теплыми портянками. В отношении бытовых условий: имеются сапожная мастерская, парикмахерская. Один раз в неделю бойцы и командиры моются в банях и сменяют белье. Вишности нет совершенно. Стирку белья организывает старшина на договоренных условиях с колхозниками» [12]. Отмечалось укрепление дисциплины и расширение досуга. В течение года, с декабря 1941 г. по декабрь 1942 г., было проведено 21 партийное и 19 комсомольских собраний. За основу массовой воспитательной работы бралось «изучение исторических документов – выступлений, докладов, приказов тов. Сталина. За истекший год проведено 49 политзанятий, сделаны доклады и лекции по тематике, утвержденной Главным политуправлением РККА и политотделом ФЭП 75 [фельдшерский эвакуационный пункт – Т.Х.], как пример: об отечественной войне советского народа; героическое прошлое русского народа; о военной мощи СССР; о союзе СССР, США и Англии; о партизанской войне в тылу». С бойцов брались социалистические обязательства, приуроченные к 1 января, 23 февраля, 1 мая и 7 ноября. В дни революционных праздников проводились общие собрания личного состава с поощрением бойцов, выполнивших обязательства и отличившихся «в деле укрепления моральной самодисциплины». В роте была создана библиотека, насчитывавшая 170 книг и брошюр, имелись гармонь, шашки, шахматы, домино [13].

Улучшение ситуации с вещевым довольствием отмечали и участники событий того времени. А.М. Гуревич, оказавшийся «в гуще» Сталинградского наступления, неоднократно подчеркивал, что «все одеты были хорошо»: «Все одеты хорошо, одели хорошо всех, тепло одеты, все в сапогах, никаких обмоток этих, ничего не было. Все были одеты хорошо». «Что я хорошо помню: все были в сапогах. Всем дали портянки новые, байковые. Офицеры все в полушубки оделись. Солдатам, сержантам – фуфайка, ватные брюки, сапоги и бушлат, шапка. Одеты в рукавицы эти вот, двойные, с двумя пальцами, это я все хорошо помню» [14]. При этом на оборонительном этапе Сталинградского сражения боевые потери вещевого имущества были столь значительны, что мало кто надеялся «не носить и дальше обмоток». По данным, приводимым А.И. Миренковым, только по 51-й, 57-й, 62-й и 64-й армиям Сталинградского фронта за один месяц с 20.9.1942 по 20.10.1942 они составили: шинелей – 37191 шт.; хлопчатобумажных шаровар – 38173 шт.; пилюток – 36429 шт.; рубах нательных – 76532 шт.; сапог яловых и кирзовых – 13874 пары [15]. Показательно, что, несмотря на налаженность выпуска вещевого имущества,

производившегося в условиях военного времени со значительными отступлениями от технических норм и неизбежным снижением качества, последнее в целом оценивалось удовлетворительным. Исключением на протяжении всей войны оставался выпуск качественной кожаной обуви. Дефицит кожевенного сырья ввиду резкого сокращения поголовья скота привел к широкому использованию заменителей натуральной кожи. По заключению исследователей, «свыше 80 % военной обуви изготавливалось с применением обувной кирзы СК и резиновых подошв <...> В силу ряда причин (недостатка кондиционных материалов и фурнитуры, плохой квалификации рабочей силы, изношенности оборудования) в 1942 г. имели место случаи выпуска больших партий обуви низкого качества» [16]. Именно наличие некачественной кожаной обуви на резиновой подошве признавалось одной из причин обморожений военнослужащих [17].

Как отмечается в литературе, к концу 1942 г. органы квартирной службы Красной армии приобрели необходимый опыт по размещению военнослужащих, как в населенных пунктах, так и в полевых условиях. Последние требовали особого внимания, так как приспособленные под жилье блиндажи, вырытые землянки нуждались в обогреве. По разработанным нормативам необходимо было строить печи. Дефицит кирпича привел, в конечном итоге, к разработке чугунной разборной печи, получившей название «буржуйки». Они «изготавливались на заводах с централизованной оплатой их через КЭУ НКО, а железные непосредственно в войсках. В 1942 г. было изготовлено 73 тыс. переносных печей с комплектом труб» [18]. Участники Сталинградского сражения отмечали, что «жили вполне сносно»: *«Поехали, станица Качалинская, есть такая в Волгоградской области, это от Иловли недалеко, но она на Дону находится, станица Качалинская, на Дону, на реке Дон. Короче говоря, был там один старший лейтенант, он, вот я как привязался к ним, так я и жил с ними. Там поставили утепленные палатки, но холодно все равно было, поставили эти, печки, и мы находились в этих утепленных палатках». «Я приболел, вот в этой землянке на наших позициях. Маленькая земляночка была, солдаты отдыхали по очереди и офицеры, чай мы там пили, там у нас печурка была»* [19]. Е.М. Тюкина, сбежавшая на фронт и оказавшаяся под Сталинградом в бактериологической лаборатории, с большой любовью вспоминала медсанбатовскую «буржуйку»: *«А вот печка у нас была, мы ставили буржуйку, топилась она. Ну, тогда, понимаете, такое было время, что, как говорится даже и день, и ночь – все были заняты»* [20].

Бытовая неорганизованность и хаотичность армейской жизни постепенно сменялись ее нормированием. Нормированию подлежала и ставшая обыденной стороной армейской жизни смерть сослуживцев. В декабре 1941 г. начальником 3 отделения санитарного управления Юго-Западного фронта были подписаны «Санитарные правила захоронения трупов на полях сражений». Согласно правилам, захоронения должны были проводиться на братских кладбищах, *«для которых должен быть отведен специальный участок территории или выделен участок на общем кладбище»*. Участки земли под могилы должны были выбираться в отдалении от населенного пункта *«с разрывом не менее 300 метров»*; с учетом уровня состояния грунтовых вод; *«с таким учетом, чтобы уклон местности был в сторону, противоположную населенному пункту и источнику питьевого водоснабжения»*. В исключительных случаях захоронения могли производиться этажным способом с соблюдением санитарных норм. Поверх могилы надлежало насыпать холм земли высотой 40–50 см, который обкладывался дерном, камнем или *«иным строительным материалом»* [21].

Началась регламентация и отдыха военнослужащих. 18 октября 1942 г. был принят приказ № 035, согласно которому для личного состава частей и соединений действующих армий Сталинградского фронта вводился краткосрочный отдых *«с пребыванием в домах отдыха»*. Отдых предоставлялся всему личному составу, *«прослужившему в боевых частях не менее 10 месяцев и непосредственно участвовавшему в боях; личному составу, отличившемуся в процессе боевых действий – в порядке поощрения, вне зависимости от срока службы; личному составу, нуждающемуся в отдыхе в результате переутомления, независимо от срока службы»*. Отдых предоставлялся в январе–апреле и должен был предоставляться без ущерба для боевых действий: на отдыхе одновременно могло находиться не более 3 % от наличного состава части. Его длительность для рядового состава определялась в количестве 6 дней, для младшего, старшего и высшего начсостава – 8 дней.

Дома отдыха должны были располагаться в районе «своих армейских баз» на линии Ахтуба – Солодники – Черный Яр – Никольское, а для 28-й армии – в Астрахани. По распоряжению командующего войсками Сталинградского фронта генерал-полковника А.И. Еременко приказывалось *«отвести для домов отдыха лучшие помещения, создать в них необходимый уют и хорошее культурно-бытовое обслуживание с таким расчетом, чтобы отдыхающий боец и командир могли в короткий срок восстановить свои силы и внешне привести себя в культурный воинский вид. В частности: организовать при домах отдыха библиотеки, киноустановки, санпропускники, починочные мастерские. Создать обменный фонд обмундирования, обуви и нательного белья»*. 2 дома отдыха на 50 и 150 мест планировалось открыть 1 декабря 1942 г. [22]

В апреле 1942 г. приказом № 095 по Юго-Западному фронту принимались срочные меры по *«улучшению доставки почты и печати бойцам, командирам и политработникам»*. Причиной тому послужила ненадежность руководства службой войсковых почтальонов, выразившаяся в нерегулярном получении почтальонами писем, их скоплением на полевых почтовых станциях. С целью *«налаживания работы в этой сфере»* армейским почтовым базам выделялись по одному вездеходу и машине на гусеничном ходу. Начальникам почтовых полевых станций и отделений полевой связи вменялось в обязанность *«организовать четкое и культурное обслуживание личного состава войсковых частей. В помещениях почтовых станций и баз навести чистоту, опрятность и удобства, как в рабочих помещениях, так и в комнатах для посетителей»* [23].

Выводы

Состояние и организация быта в войсковых подразделениях Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов в рассматриваемый период времени несли на себе отпечаток общего положения дел, складывавшегося в ходе военного противоборства с противником. От общей неустроенности первого года войны фронтовая повседневность постепенно перемещалась в плоскость приказного нормирования, внося в жизнь военнослужащих уже изрядно позабытые элементы довоенного комфорта и благоустроенности. Следует отметить, что в 1942–1943 гг. войсковые подразделения Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов, находясь на передовой линии обороны, а затем в контрнаступлении под Сталинградом, несли большие потери, как в живой силе, так и в вещевом, обозно-хозяйственном имуществе. Их бытовые нужды находились в центре внимания высшего военного командования и удовлетворялись несколько быстрее.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания:

1. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев, Т.П. Хлынина. Место проведения: Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Продолжительность: 168 мин. Запись: 3 апреля 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

2. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 229. Оп. 195. Д. 17. Л. 270.

3. Там же. Л. 272.

4. Там же. Ф. 206. Оп. 307. Д. 22. Л. 4.

5. Там же. Ф. 48. Оп. 470. Д. 4. Л. 322.

6. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. URL: <http://soldat.ru/files/4/6/15/111/> (дата обращения: 24.12.2014).

7. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р.

8. ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 470. Д. 4. Л. 47.

9. Миренков А.И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (дата обращения: 24.12.2015).
10. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р.
11. ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 22. Л. 12.
12. Там же.
13. Там же. Л. 17–19.
14. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р.
15. Миренков А.И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (дата обращения: 24.12.2015).
16. Там же.
17. ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 366. Д. 21. Л. 275.
18. Миренков А.И. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (дата обращения: 24.12.2015).
19. Респондент: Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г.р.
20. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
21. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 195. Д. 5. Л. 449.
22. Там же. Ф. 48. Оп. 470. Д. 6. л. 107, 107об.
23. Там же. Ф. 206. Оп. 307. Д. 1. Л. 116, 116об.

References:

1. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, M.V. Medvedev, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: Institut social'no-jekonomicheskikh i gumanitarnyh issledovanij JuNC RAN. Pro-dolzhitel'nost': 168 min. Zapis': 3 aprelja 2014 g. // Arhiv laboratorii is-torii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
2. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF (dalee – CAMO RF). F. 229. Op. 195. D. 17. L. 270.
3. Tam zhe. L. 272.
4. Tam zhe. F. 206. Op. 307. D. 22. L. 4.
5. Tam zhe. F. 48. Op. 470. D. 4. L. 322.
6. Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja: Prikazy narodnogo komissa-ra oborony SSSR 22 ijunja 1941 g. –1942 g. T. 13 (2–2). M., 1997. URL: <http://soldat.ru/files/4/6/15/111/> (data obrashhenija: 24.12.2014).
7. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r.
8. CAMO RF. F. 48. Op. 470. D. 4. L. 47.
9. Mirenkov A.I. Voенно-jekonomicheskij faktor v Stalingradskom sra-zhenii i Kurskoj bitve. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (data obrashhenija: 24.12.2015).
10. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r.
11. CAMO RF. F. 206. Op. 307. D. 22. L. 12.
12. Tam zhe.
13. Tam zhe. L. 17–19.
14. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r.
15. Mirenkov A.I. Voенно-jekonomicheskij faktor v Stalingradskom srazhenii i Kurskoj bitve. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (data obrashhenija: 24.12.2015).
16. Tam zhe.
17. CAMO RF. F. 62. Op. 366. D. 21. L. 275.
18. Mirenkov A.I. Voенно-jekonomicheskij faktor v Stalingradskom srazhenii i Kurskoj bitve. URL: <http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html> (data obrashhenija: 24.12.2015).
19. Respondent: Gurevich Arnol'd Mihajlovich, 1931 g.r.

20. Respondent: Tjukina Evgenija Stepanovna, 1925 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 105 minut. Zapis' 7 marta 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

21. CAMO RF. F. 229. Op. 195. D. 5. L. 449.

22. Tam zhe. F. 48. Op. 470. D. 6. l. 107, 107ob.

23. Tam zhe. F. 206. Op. 307. D. 1. L. 116, 116ob.

УДК 94(47).084.8

**Состояние и организация быта в войсковых подразделениях Юго-Западного,
Сталинградского и Донского фронтов (1942–1943 гг.)**

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена различным аспектам состояния и организации повседневной жизни войсковых подразделений Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов в 1942–1943 гг. Рассматриваются вопросы их продовольственного и вещевого снабжения, обеспечения бытовых нужд и проведения досуга. В основе статьи – документы Центрального архива Министерства обороны РФ, записанные воспоминания участников событий того времени, опубликованные источники.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Юго-Западный фронт; Сталинградский фронт; Донской фронт; нормированная повседневность; быт; досуг